

А. И. Бойков

Конструкции разговорного синтаксиса в поэтическом идиолекте А. Башлачева

В статье рассматриваются основные особенности функционирования разговорных синтаксических конструкций в поэтическом идиолекте А. Башлачева. Исследование показывает, что главными значениями, выражаемыми такими построениями в текстах Башлачева, являются значения интенсивности или длительности действия и сложносоставного действия. Синтаксическая организация произведений вкупе с другими выразительными средствами демонстрирует глубокую интеграцию фольклорного кода в поэтический идиолект Башлачева.

Ключевые слова: А. Башлачев, поэтический идиолект, синтаксис, разговорные конструкции, значение, предикативный признак, действие, фольклор, разговорный стиль.

A. I. Boikov

Constructions of Colloquial Syntax in A. Bashlachiov's Poetic Idiolect

The article is devoted to the major functions of conversational syntax constructions in A. Bashlachiov's poetic idiolect. The research reveals that the main meanings of such constructions are intensity, duration or complexity of action. The syntactic organization of A. Bashlachiov's texts and other expressive means demonstrate the deep integration of folklore code into A. Bashlachiov's poetic idiolect.

Keywords: A. Bashlachiov, a poetic idiolect, syntax, colloquial syntactic constructions, meaning, predicate, action, folklore, a colloquial style.

При исследовании синтаксиса произведений Александра Башлачева обращает на себя внимание обилие конструкций разговорного синтаксиса, в частности, описанных в монографии Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи». Башлачев активно использует конструкции разговорного синтаксиса, насыщающие речь яркими оттенками значений. Можно выделить семантическую доминанту, вокруг которой выстраиваются все конкретные семы разговорных конструкций. Это гиперсема «действие». Наиболее употребительными являются такие конструкции, которые выражают реализующееся сверх меры действие – длительное по времени либо интенсивное по характеру проявления. Мы объединяем эти два значения в общую категорию, поскольку они генерализируются как одно сполна проявляющееся действие (признак) в противоположность группе значений, которые можно охарактеризовать как выражение двух накладываются друг на друга действий.

Значение реализующегося сверх меры предикативного признака

Бессоюзные конструкции разговорного синтаксиса обнаруживают большое разнообразие в выражении значений этой семантической группы. Бессоюзные сочетания с повторами могут

выражать значения длительности и постоянства предикативного признака, интенсивно проявляющегося признака, интенсивного действия, с одной стороны, и значения прерывистого действия, недлительного действия, неопределенного и неясного или слабо и неполно проявляющегося предикативного признака – с другой. Что характерно, в произведениях Башлачева часто встречаются конструкции первой группы при полном отсутствии конструкций последней. Самые репрезентативные – конструкции с повторами одной и той же формы глагола со значением длительности и постоянства предикативного признака: «Ты звени, звени, звени, сердце под рубашкою» [1, с. 13], «Танцуй, танцуй свой одинокий блюз» [4, с. 19], «Мерзни, мерзни, волчий хвост на реке» [4, с. 72], «Гори-гори ясно, гори» [4, с. 141], «Так бежали мы, бежали вверх по лесенке» [4, с. 140]. Можно заметить, что есть случаи не только двукратного, но и трехкратного повторения глагольной формы, что усиливает значение длительности действия. Некоторые из таких конструкций совмещают значение длительности и интенсивности действия (*гори-гори ясно, гори*). Значение некоторых таких конструкций, затертое языковым употреблением при известной степени клишированности или цитатности, оживляется

поэтом за счет дистантного повторения глагольного компонента (*гори-гори ясно, гори*) или трансформации цитаты: «Спит и во сне напеваает дьячок: / – Крутится, крутится старый волчок» [4, с. 63] (измененная цитата из песни Я. Френкеля «Вальс расставания» на слова К. Ваншенкина: «Кружится, кружится старый вальсок» [2]). И ввод в цитату предметного существительного в качестве актанта, и замена предиката на более конкретный, «сухой» по внутренней форме глагол актуализируют семантику непрерывного циклического движения.

Большинство конструкций данного типа употребляется в форме повелительного наклонения, что, в свою очередь, корректирует их семантику. Значение длительного непрерывного действия накладывается на значение опатива, свойственное повелительному наклонению в синтаксисе поэтической речи: «Сообщающий, повествующий или характеризующий смысловой контекст изменяет функцию императивной формы, придавая ей своеобразное, присущее только поэтической речи смысловое звучание, которое в общем случае можно истолковать примерно так: “это происходит, и пусть это продолжается”» [3, с. 120]. Башлачев с помощью конструкций с повтором актуализирует в императиве именно сему длительности, непрерывности действия во времени («пусть продолжается»), тем самым усиливая это значение бессоюзной конструкции и совмещая его со значением желательности, заданное императивом.

Тот же механизм образования семантики длительности у синонимичных союзных конструкций: «Прорвется к перу то, что долго рубить и рубить топорам» [4, с. 127]. В этом примере семантика длительности конструкции «подкрепляется» лексическими средствами, то есть наречием *долго*.

Значение длительности, протяженности во времени предикативного признака в конструкциях разговорного синтаксиса, помимо самой структуры конструкций (лексический повтор), может выражаться и эксплицированными лексическими средствами – частицами с соответствующей семантикой: «Коли ветру *все* дуть, а деревьям – качаться» [4, с. 130]. Интересен механизм формирования значения длительного действия в эллиптических предложениях с отсутствующим сказуемым: «Добрый полем, синим лугом / Все опушкою да кругом / Все опушкою, межою / Мимо ям да по краям» [4, с. 145], «Вы все между ложкой и ложью, / А мы все между

волком и вошью» [4, с. 74]. В этих конструкциях невозможно точно реконструировать сказуемое, и ремой является именно длительность, протяженность во времени предикативного признака, выражаемая самой синтаксической конструкцией с частицей. На фоне такой «безглагольной длительности» характерен прием, когда с помощью соответствующих частиц темпоральную характеристику получают не только действия, но и предметы: «Корма – забота общая. Доклад – задача *длинная*. / Удои с дисциплиною, *корма и вновь корма*» [4, с. 66].

Другое распространенное значение разговорных конструкций – значение интенсивно проявляющегося действия или предикативного признака. Для его выражения А. Башлачев может также использовать бессоюзные конструкции с лексическим повтором: «А ну, давай, пляши, пляши, пляши» [4, с. 49], «Черные-черные дыры / Из них не напиться» [4, с. 68]. В этом примере представляет интерес разрушение терминологического сочетания *черная дыра*. Целостность конструкции подчеркивается дефисным написанием одинаковых форм, и значение, выражаемое данным построением, разрушает терминологическое значение сочетания, смещая семантический фокус на его адъективный компонент. Сочетание приобретает значение интенсивно проявляющегося признака не одного: «черноты» (как цвета), полного отсутствия света и сверхсильной гравитации. Таким образом, Башлачев использует термин *черная дыра*, развивая его в индивидуальный образ-символ (песня так и называется «Черные дыры»), чему не в последнюю очередь служит бессоюзная конструкция с повторением прилагательного.

Усилительные частицы являются основным средством формирования построений со значением интенсивно проявляющегося предикативного признака: «Все соседи *просто* ненавидят нас» [4, с. 50], «А между тем урчание *все* громче и сочней» [4, с. 67], «Но все-таки *просто* визжали они» [4, с. 124], «*Как* хочется жить... Не меньше, чем петь» [4, с. 94], «*Как* жестоки романсы патрульных уставов» [4, с. 96]. В следующем примере используются одновременно две усилительные частицы, благодаря чему значение интенсивности действия подчеркивается вдвойне: «В нем дырка была – *пряма так и сияла*» [4, с. 124]. Стоит отметить, что частица *прямо* употребляется здесь в своем просторечном редуцированном варианте.

В значении некоторых конструкций невозможно четко разграничить длительность протекания во времени и интенсивный характер проявления действия (предикативного признака), и это еще одна причина, почему мы объединяем два этих значения в общую группу. Например: «Ты звени, звени, звени, сердце под рубашкою» [1, с. 13]. Для поэта действие важно в его целостности, поэтому оно реализуется полностью в слиянии аспекта времени и интенсивности.

Уникальный прием использует поэт в песне «Ржавая вода». Здесь значение интенсивности проявления приобретает не действие, а предмет – за счет конструкций с повторениями подлежащего и корневой части обстоятельства образа действия: «А пока вода-вода кап-кап-каплею лупит дробью в стекло» [4, с. 89]. За счет повторения слова *вода* и корня *-kap-* (намекающего на звукоподражательное слово (а возможно, на так называемый «глагол мгновенного вида») *kan*) создается образ непрерывно капающей воды. Причем стоит отметить, что актуализируется именно не глагольная семантика корня *-kap-*, а предметная: капли уподобляются дробин. Этот пример подтверждает высказанный ранее тезис о том, что у Башлачева предмет может получать темпоральную, а шире – глагольную характеристику. Такой синкретизм характерен для мифологического мироощущения, воспринимающего мир в его нерасчлененности.

В терминах мифологического мышления может быть рассмотрено и употребление конструкций – сочетаний слов разных грамматических категорий, выражающих значение интенсивности признака. Такие конструкции представляют собой соединения однокоренных слов, тавтологически дублирующих друг друга в рамках разных грамматических категорий, благодаря чему размывается грань между частями речи: «Давным давно здесь время захромало» [4, с. 19], «За окном белым-бело» [4, с. 26]. Эти лексически ограниченные застывшие архаические сочетания сами по себе хранят языковую память о древнем синкретическом типе мышления. Автор органично применяет эти архаичные синтаксические конструкции на современном и близком рок-поэту лексическом материале, что открывает пространство для языковой игры: «Не твистом свистел мой овраг на горе» [4, с. 124]. В сочетании *свистом свистеть* поэт, прибегая к паронимической аттракции, заменяет именной компонент иноязычным словом *твист*, чуждым в построениях такого типа, но отражающим реалии жизни рок-музыканта.

Отдельно следует отметить такие редкие формы выражения значения интенсивности действия, как построения с междометиями. Интересно, что междометия, сами по себе незначительные части речи, выражающие чаще всего эмоции, в разговорном синтаксисе сообщают конструкциям значение интенсивности признака: «А кровь – она ох, красна на миру!» [4, с. 115], «Да помнится ты, Саша, ох, как сам скрипел» [4, с. 138], «Ох, темнотища!» [4, с. 121]. Последний пример представляет собой номинативное предложение, в котором предикативность создается именно за счет конструкции с междометием, а ремой является интенсивность проявления признака, усиливаемая суффиксом *-ищ-* у существительного. Встретилось нам и одно фразеологизированное построение со значением высокой степени проявления признака: «Ах, до чего ж веселенькая дата!» [4, с. 19].

Значение двух «накладывающихся» действий

Значение двух «накладывающихся» друг на друга действий, в результате дающих одно сложное действие, выражают бессоюзные конструкции с двумя разными глаголами. Такие сочетания характерны для фольклорной стилистики, и эти элементы активно проникают в поэтический идиолект Башлачева. Для поэта наиболее существенным является выражение действия как «неразделяемого единства двух сходных, близких и полностью совмещающихся действий» [5, с. 46]: «Ох, потянуло, понесло, свело, смело меня» [4, с. 91], «ломит-давит грудь» [там же], «тянет-выводит за упокой» [4, с. 62]. Обратим внимание на то, что данный тип конструкций подвергается преобразованию: двумя глаголами чаще выражается не действие, а состояние. И наоборот, безличные глаголы *знобит* и *колотит* переходят в разряд личных, приобретая в качестве субъекта действия *время*, в рамках конструкции «Время знобит, колотит» [4, с. 114]. Здесь слитность действия (не эксплицированная графическими средствами – дефисным написанием, принятым, но не обязательным в построениях такого типа) подчеркивается словообразовательным (идентичные префиксы) и фонетическим (*вел – мел*) подобием глаголов, обозначающих сходные действия.

Мифологическое мышление поэта обнаруживается также в неразличении, смешивании категориальных разрядов слов в рамках данного типа конструкций. Так, в сочетании *драки-пьяночки*, благодаря дефисному написанию и инспириро-

ванному этим установлению корреляции с бессоюзными глагольными конструкциями, актуализируется глагольное происхождение компонентов, оживает процессуальная семантика. Наоборот, глагольная конструкция *спаси-сохрани* субстантивируется в следующем контексте: «Наша правда проста, но ей не хватит креста / Из соломенной веры в «спаси-сохрани» [4, с. 98]. Это становится возможным благодаря идиоматичности словосочетания *спаси-сохрани*, что обыгрывается далее: «В этом высшая мера. Скопихорони» [там же]. Первоначальное значение этой типичной конструкции со значением «сложносоставного» действия разрушается, и новое построение приобретает значение последовательно сменяющихся действий (ср. *соломенной – скопи*).

Нередки употребления конструкций с отрицаниями, которые «сложносоставного» действия не обозначают, но действия, обозначаемые глагольными формами, также близки друг другу (приближаясь по семантике к тавтологическому повторению) и могут иметь уточняющее либо характеризующее значение: «Так живи – не тужи» [4, с. 136], «Жали – не жалели рожь» [4, с. 109]. В последнем примере компоненты конструкции также притягиваются по фонетическому подобию, что для Башлачева (характерная черта поэтического языка в целом) является еще одним критерием, по которому устанавливается слитность, синкретичность действия.

Конструкции со значением выражения отношения к предмету речи

К таким конструкциям относятся, например, репрезентативные для поэтического идиолекта Башлачева конструкции с частицей *там*, которые обозначают «отстранение» чего-то как маловажного, непервостепенного, часто – с оттенком скрытого пренебрежения: «Что там еще-то?» [4, с. 14], «Эй, дама, ну что там из вас непрерывно течет?» [4, с. 62], «Да что там у тебя звенит, какая мелочишка?» [4, с. 129], «Или как там еще в обиходе» [4, с. 131] и др. Примыкают к ним по значению и некоторые другие построения с частицами. Например, построения с частицей *так* характеризуются значением отношения к сообщаемому как к несущественному, неважному, не заслуживающему внимания: «Да *так*, пустяк. Вошел и вышел случай» [4, с. 128]. Таким же значением обладают конструкции с местоименной частицей *что*: «Что нам ваша Донна Саммер» [4, с. 16]. Конструкции, выражающие отношение к

предмету речи как к несущественному, носящие пренебрежительный оттенок, явно маркируют текст разговорно-просторечной окраской.

Стоит отметить также построения с такими частицами, которые (частицы) относятся к просторечному стилю: *же, чего-то, то-то*. Их употребление не обусловлено задачами стилизации; разговорные элементы органично входят в речь лирического субъекта: «Да где ж им удерживать зерно в горстях» [4, с. 111], «То-то будет хорошо, то-то будет смеху!» [4, с. 77], «Чего-то душно. Чего-то тошно. Чего-то скушно. И всем тревожно» [4, с. 120]. В последнем примере отметим нарочитое транскрибирование автором звука [ш] в слове *скушно*. Таким образом, графическими средствами, наряду с синтаксическими, подчеркивается вхождение текста в разговорно-просторечный регистр.

Такие частицы, как *оно* (с акцентирующим значением), *что-то (чего-то)* (значение неопределенности) употребляются регулярно в текстах А. Башлачева: «Оно тревожно и страшно, братцы!» [4, с. 120]. Их общее значение – оформленные высказывания. Использование таких конструкций в тексте позволяет эксплицировать фиксацию мыслительного процесса в рамках народного сознания.

Нельзя не отметить, как репрезентативные конструкции с уступительным значением, усиливаемым, как правило, присоединением противительной конструкции: «Гляди, не гляди – не заметите оба» [4, с. 135], «Да Яга не Яга, лишь бы только хорошая баба» [4, с. 137]. Такие конструкции имеют значение предикативного признака, который оценивается как безразличный для чего-то последующего. Интересна игра омоформами в следующем примере: «Не говорил ему за строй – ведь сам я не в строю. / Да строй – не строй, ты только строй. / А не умеешь строить – пой...» [4, с. 130]. Такое намеренное сталкивание омонимичных форм существительного и глагольного императива приводит к их категориальному неразличению, характерному для синкретичного мифологического сознания.

В заключение можно сделать вывод, что поэтический идиолект Александра Башлачева многое черпает в народно-фольклорной стилистике и в разговорной стихии русского языка, что находит отражение в синтаксисе его произведений. Башлачев не только сталкивает и смешивает разные языковые категории – части речи, но и осуществляет такой семантический отбор, при котором доминирующим значением разговорных кон-

струкций в его поэтическом идиолекте является значение действия.

Действие (и движение как его концентрированная форма) выступает как предмет нарратива, являясь главной темой таких песен, как «Время колокольчиков», «Песенка на лесенке», «Прямая дорога», «Поезд» и мн. др. Действие эсплицируется лексическими средствами в глаголах движения и других тематических группах, связанных с движением: средства передвижения, их аксессуары и др. Но самое главное, действие в произведениях Башлачева предьявлено как перформативный акт в самом способе бытования его текстов (песенное исполнение, представляющее речь как протекающий в пространстве и времени акт, а не застывший на бумаге текст), вариативности текстов при исполнении (движение текста, движение мысли поэта) и, что немаловажно, в синтаксической организации. Действие разворачивается на глазах читателя (или в непосредственном восприятии слушателя), еще не свершившееся в реальной модальности, но уже ощущаемое в своей длительности, настойчиво звучащее, нарастающее: «Ты звени, звени, звени / Сердце под рубашкою!» [1, с. 13], «Чего сидишь, как будто на иконе – / А ну, давай, пляши, пляши, пляши!» [4, с. 49].

Действие мыслится автором во всей полноте его проявления: интенсивным по силе, длительным по времени протекания (эта длительность непосредственно ощущается в конструкциях с лексическим повтором на фонетическом и графическом уровнях), сложным по характеру составляющих и многомерным. Такое представление о действии находит выражение в синтаксических построениях разговорного синтаксиса с соответствующими значениями, рассмотренных в статье. Эти конструкции (например, *гори-гори ясно, тянет-выводит*) нередко воспринимаются

как цитированные или подсказанные логикой языка, что, с одной стороны, вводит в произведения Башлачева культурный код фольклора и языковой интертекст, а с другой стороны, автор переосмысляет и оживляет стертую семантику употребительных конструкций разговорного синтаксиса, принимая их в свой арсенал выразительных средств.

Библиографический список

1. Башлачев, А. Как по лезвию [Текст] / А. Башлачев. – М.: Время, 2006. – 256 с.
2. Ваншенкин, К. Вальс расставания [Электронный ресурс] / Слова К. Ваншенкина, музыка Я. Френкеля. – Режим доступа: <http://romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=140&item=680>
3. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис [Текст] / И. И. Ковтунова; Академия наук СССР, Институт русского языка. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
4. Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий [Текст] / Лев Наумов. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2010. – 440 с.
5. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bashlachev, A. Kak po lezviju [Tekst] / A. Bashlachev. – M.: Vremya, 2006. – 256 s.
2. Vanshenkin, K. Val's rasstavaniya [Elektronnyj resurs] / Slova K. Vanshenkina, muzyka YA. Frenkelya. – Rezhim dostupa: <http://romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=140&item=680>
3. Kovtunova, I. I. Poeticheskij sintaksis [Tekst] / I. I. Kovtunova; Akademiya nauk SSSR, Institut russkogo yazyka. – M.: Nauka, 1986. – 208 s.
4. Naumov L. Aleksandr Bashlachev: chelovek poyushhij [Tekst] / Lev Naumov. – SPb.: Amfora. TID Amfora, 2010. – 440 s.
5. SHvedova, N. YU. Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi [Tekst] / N. YU. SHvedova. – M.: Azbukovnik, 2003. – 378 s.